

В. Т. НОВИКОВ, Я. С. ЯСКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: СПЕЦИФИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

The article is aimed at considering some aspects of the social and humanitarian knowledge, its mechanisms and development trends. It also discloses the social and philosophic backgrounds and the main points of naturalistic, cultural, historic, psychological and social programs.

Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор более 60 работ по социальной философии (методология науки, методика преподавания социально-гуманитарных наук).

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор 100 публикаций по философии и методологии науки, в том числе трех монографий.

Кризис технократической культуры и осмысление трагических реалий природного и социального бытия резко актуализируют потребность общества в разработках методологии социально-гуманитарного познания, раскрытии механизмов формирования различных парадигм исследования социальной реальности, экспликации специфики современного гуманитарного знания и тенденций его развития.

По своим целям и задачам, методам и средствам, аксиологической и этической направленности социально-гуманитарное знание, ориентированное на постижение смысла исторических событий и реалий, имеет специфические черты. Специфика знания в этой области детерминирована прежде всего особенностями самого объекта познания — человека и общества как сложной развивающейся системы. В отличие от природы общество есть деятельность преследующего свои цели человека, который создает новую предметную среду: мир культуры, искусства, науки, техники, исторические архивы и памятники, художественные тексты. Объект социально-гуманитарного познания не просто выделен практикой, он выступает как сама практическая и духовная деятельность, в результате чего социальные детерминанты присутствуют в самом объекте исследования. Так, система ценностных установок присуща самому объекту социально-гуманитарного знания и является в то же время определенным продуктом, полученным в этой сфере и транслируемым в другие области.

Человеческое общество как сверхсложная система отличается большим разнообразием различных социальных структур, предполагает альтернативность, а также исключительную динамичность и незавершенность развития. Причем если проблема выбора вариантов развития в других областях осуществляется естественным образом в процессе самоорганизации бытия и без наличия субъекта познания, то в социаль-

но-гуманитарной сфере главным действующим лицом и «дирижером» выбора является сам человек.

Альтернативность как принципиально исторический феномен инициируется наличием не только различных тенденций, но и общественных субъектов, способных реализовывать свои интересы. Одна и та же историческая закономерность в реальном процессе динамики может приобрести поливариантные формы в различной социокультурной ситуации. Выбор того или иного пути является своеобразным связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим, между историей и политикой.

Особенности социально-гуманитарного знания детерминированы не только специфическими чертами объекта познания, но также и особым статусом субъекта. За противостоянием идей всегда скрыто столкновение определенных потребностей, интересов, целей, воздействие таких социальных факторов, как общественное мнение, официальная идеология, политические установки и традиции. Неизбежная и острая конкуренция интересов и устремлений субъектов исторического действия определяет селективную деятельность по выбору тех или иных средств и аргументов для обоснования отстаиваемой концепции.

Отсутствие достаточного опыта поливариантного изучения социума порождает стремление разобраться в многообразии теоретико-методологических парадигм, лежащих в основе конкретных социогуманитарных концепций, представляющих собой так называемые теории «среднего уровня», — социально-экономические, политологические и другие концепции. Для их обозначения мы будем использовать уже прошедшее апробацию в общей методологии науки понятие исследовательских программ как системы принципов, идеалов и норм, определяющих критерии научности познания общественных явлений. Эти программы, функционируя в сфере теоретического обществознания, вместе с тем выступают трансляторами социально-философского знания в сферу институционального, конкретно-научного знания и через него способствуют приданию смысла деятельности практического мышления в политике, экономике и других сферах общественной жизни.

Исторически первой оформилась натуралистическая исследовательская программа, допускающая возможность рассмотрения общества по аналогии с природой и признающая правомерность экстраполяции методологических особенностей естествознания на социально-гуманитарные явления. Натурализм в обществознании представлен тремя основными версиями — редукционистской, этноцентристской и органицистской.

Редукционизм в обществознании получил широкое распространение как в вариантах классического механицизма (Т. Гоббс, П. Гольбах), химизма (М. Шевроль), в которых в качестве идеализированных объектов используются «точечные», локализованные социумные образования, связанные между собой силовыми взаимодействиями, процессами ассоциации и диссоциации, так и в более сложных вариантах — «экономического материализма», «географизма». Последние имеют достаточно широкое хождение в современном обществознании и служат теоретико-методологической основой ряда конкретно-научных концепций.

Этноцентризм в обществоведении ориентирован на признание природно-национальных особенностей в роли ведущего фактора социальной динамики. Не отрицая культурного своеобразия и роли экономической и политической детерминант в динамике народов, этноцентризм тем не менее фокусирует внимание на экзогенных для общественного развития причинах. В частности, подобный подход характерен для этногенетической концепции Л. Н. Гумилева, рассматривающего этнос не столько в социально-культурном контексте, сколько в связи с общими процессами биосферы Земли и событиями космического характера.

Концептуальные основания этноцентризма легко просматриваются в теоретически фундированном евразийском движении, в классическом

варианте, существовавшем в среде русской эмиграции на Западе в 20 — 30-х гг. XX века и акцентировавшем внимание на определяющей роли евразийской компоненты в национальном своеобразии и культурно-исторической судьбе России. Показательно, что евразийское движение не ограничилось сферой философско-культурологических рассуждений, а включило в поле своего анализа вопросы политической истории и политологии. И хотя определенное оживление идей евразийства в России в настоящее время не столь теоретически фундированно, сколь обусловлено социально-политической конъюнктурой, методологическая преемственность между ними очевидна. Как, впрочем, очевидна методологическая связь между этноцентризмом и идеологиями национал-радикальных движений, педалирующих идею детерминации социальной динамики неким иррационально понимаемым природно-национальным духом.

Традиционно популярной является органицистская версия исследования общества и его структурных компонентов, восходящая к трудам Г. Спенсера и в XX веке рельефно представленная структурным функционализмом, а через него — многообразными концепциями политической науки в США. Принимаемая в данной исследовательской программе в качестве установочной аналогия между обществом и живым организмом онтологически условна, но тем не менее имеет четко выраженную методологическую ориентацию — репрезентативно рассмотреть общество как целостную систему, функционирующую в режиме гомеостаза.

Воспользовавшись системными представлениями биологии, один из лидеров структурно-функциональной школы Т. Парсонс выделил в социальной системе четыре основные подсистемы, выполняющие специализированные функции: адаптации системы к внешней среде, целедостижения как реализации интересов, интеграции как обеспечения гармонии интересов и притязаний со стороны элементов системы, воспроизводства структуры и снятия социальных напряжений вследствие соблюдения элементами системы ценностно-нормативных установок и притязаний. В обществе эти функции призваны обеспечивать соответственно экономическая и политическая подсистемы, подсистемы правовых учреждений и институтов социализации, включая семью, органы образования, церковь и др.¹

В западной политологии структурно-функциональный подход воплотился в концепциях, объединенных в рамках так называемого «системного анализа политики» (Д. Истон, Дж. Деннис, Г. Алмонд и др.) и решавших задачу определения оптимальных условий функционирования политической системы как сложного структурного целого. Показательно, что именно в концепциях этого направления наиболее откровенно проявился антигуманитаризм натуралистической программы — аналогия общества в целом с живой системой отвергает возможность признания свойства «жизненности» за его элементами, поскольку им надлежит функционировать, а не действовать. Что же касается человека, то он вообще выпадает из политической системы, являясь не более чем контрагентом, средством поддержки системного равновесия, а не целью ее функционирования.

Вторая из основных исследовательских программ в обществознании — культурно-историческая (культур-центристская) — постепенно начинает оформляться во второй половине XIX — начале XX века. Первоначально разработка этой программы осуществлялась преимущественно в русле анализа специфики методологических средств социогуманитарного познания и их отличия от методологического арсенала наук о природе, но с утверждением представлений о культуре как онтологической реальности прерогативы ее значительно расширились.

Культурно-историческая исследовательская программа ориентирована на рассмотрение общества как сверхиндивидуальной реальности, в кото-

рой воплощен мир ценностей и культурных смыслов, обуславливающих ход всемирной истории и деятельность отдельных индивидов. Вариантов социально-философской и конкретно-научной интерпретации теоретических оснований данной программы достаточно много, но, пожалуй, все они в той или иной мере разделяют три основные посылки. Во-первых, «общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна»; во-вторых, «природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»; в-третьих, «при объяснении действительной закономерности социальной жизни необходимо учитывать характер закономерности не только психических явлений, но и явлений непсихических, в которых воплощается и через которые культивируется чистая «бесплотная психика»², а именно: символический характер социальных взаимодействий.

Вполне естественные для гуманитарных наук (истории, культурологии, этнологии) конкретно научные приложения этой исследовательской программы оказались эффективными и для институционального уровня познания. В этой связи обратим внимание на получившие признание в западной политологии концепции политической социализации, в которых анализируется структура личностных потребностей, определяющих политическую активность индивидов. В частности, прослеживая влияние физиологических, психических и ценностно-смысловых потребностей на политическое поведение, А. Маслоу и К. Роджерс делают заключение о приоритете последних в актуализации человеческой природы, которая, по мнению А. Маслоу, «должна обеспечиваться скорее ростом изнутри, чем формированием извне»³. Агенты социализации (воспитатели) лишь облегчают самоактуализацию личности, создавая благоприятные условия, но не могут серьезно повлиять на то, какой будет личность.

Поскольку в обществе действуют люди, являющиеся по природе биопсихосоциальными существами, естественным выглядит стремление понять и объяснить социальную жизнь на основе определения влияния на человеческое поведение психосознательных факторов. Этот подход определяет существование психологической и социопсихологической исследовательских программ обществознания, интерпретирующих социальные феномены в терминах психологии индивида, психологии групп, социальной психологии. Общим для многообразных вариантов этих исследовательских программ является экстраполяция лежащих в основе социальных действий психосознательных и бессознательных механизмов мотивации на социальную динамику, а следовательно, осознанный методологический редукционизм, четко отличаемый тем не менее его сторонниками от натуралистического редукционизма и органицизма. Это отличие усматривается прежде всего в прямой представленности психоэмоциональных, волевых, когнитивно-психологических компонентов в структуре социального действия и их детерминирующей роли в общественной практике.

Отправной для классического психологизма оказалась прямая экстраполяция особенностей индивидуальной психической жизни человека на социопсихическую жизнь общества, что отчетливо выразилось в творчестве американских социологов и психологов начала XX века Л. Уорда, Ф. Гиддингса, У. Мак-Дугалла⁴. Иной ракурс анализа социальных процессов выбрали французские психологи Г. Тард, Г. Лебон⁵, обратившие внимание на исследование межиндивидуальных отношений, которые, с их точки зрения, составляют сущность отношений в обществе.

Еще одна версия психологической исследовательской программы в обществознании связана с психоанализом З. Фрейда. И хотя характерный для него пансексуализм достаточно очевиден и задает весьма специфический ракурс рассмотрения сложных социальных явлений, использование категориального аппарата психоанализа достаточно продуктивно. В частности, в исследовании политической деятельности средствами психоанализа оперируют категориями вытеснения (бессознательного устранения

индивидом мотивов своей деятельности из сферы сознания), регрессии (перехода на более примитивный уровень мышления и поведения), проекции (неосознанного перенесения собственных представлений и влечений на другого), рационализации (бессознательного стремления к рациональному обоснованию своего поведения), реактивного образования (изменения неприемлемой для субъекта тенденции на приемлемую), фиксации поведения (стремления к сохранению эффективных стереотипов поведения)⁶.

Э. Фрейд заложил основы политического психоанализа, создав в 1932 г. вместе с американским дипломатом У. Буллитом первую психобиографию президента США Вудро Вильсона. В ней в соответствии с канонами психоаналитического метода движущий конфликт «морализирующего», но политически бездеятельного президента объясняется противоречием между женственной пассивностью его натуры и экзальтированным «Супер-Эго», требующим демонстрации своей мужественности⁷.

В современном политическом психоанализе прямолинейное понимание роли либидо устранено. Неофрейдистский психоанализ благодаря работам А. Адлера, К. Юнга, К. Хорни, Г. Салливена, Э. Фромма приобрел собственно социологический характер, хотя вплоть до 80-х годов политический психоанализ все же находился на периферии политических исследований. В настоящее время психоаналитическая версия социопсихологической программы на Западе воплощается в трех типах работ: «кейс-стадис», посвященных исследованию глубинной психологии отдельных политических деятелей; типологических исследованиях, направленных на определение качеств и классификацию политиков различных ориентаций; исследованиях агрегатных состояний политических отношений — психологических мотивов международных конфликтов, подоплеки национальных распрей, причин конкуренции политических институтов и т. п.

Второй версией социопсихологической программы является политический бихевиоризм как выражение поведенческого подхода к политике. Программа политического бихевиоризма достаточно прагматична, поскольку, оперируя моделью «реагирующего человека», выступает своего рода рефлексологией политического поведения и ориентирована на изучение определяющих его навыков. Несмотря на технократическую направленность и этический релятивизм оснований политико-бихевиоральных исследований, отчетливо проявившиеся в «радикальном бихевиоризме» Б. Скиннера и менее очевидно — в концепции «социального научения» А. Бандуры⁸, политический бихевиоризм во многом определяет моду в политологии Запада.

Обратим внимание еще на одну версию социопсихологической программы, находящую выражение в концепциях политической науки и представленную в символическом интеракционизме. Считая действие конституирующим и субъекта и саму социальную реальность феноменом, классик символического интеракционизма Дж. Мид определял социальную реальность как многообразие систем взаимодействий людей с присутствующими им перспективами и ожиданиями ответных действий⁹.

В западной политической науке символический интеракционизм проявляется в игровой концепции политики и трактовках политической социализации как ролевого тренинга. В этих концепциях функционирование политической системы напрямую увязывается с качеством освоения участником взаимодействия своей роли-функции в системе с ее субъективным восприятием и оценкой со стороны других членов взаимодействия. Например, в концепции «политического участия» С. Вербы и Н. Ная¹⁰ исследование социально-политического ракурса роли предполагает изучение трех базовых ориентаций личности: психологической вовлеченности в политику, измеряемой интересом и вниманием человека к

общественным событиям; собственного участия, измеряемого интенсивностью партийной идентификации; чувства политической причастности, измеряемого на основе самооценки респондентом собственного участия в политической жизни своей общественно-территориальной группы.

Мы охарактеризовали некоторые исследовательские программы в обществознании, реализующиеся на различных уровнях теоретико-методологического анализа социальных явлений — от социально-философского до конкретно-научного (в нашем случае, политологического), непосредственно связанного с процессами принятия социально значимых практических решений и ориентацией человека в мире. Как и любая классификация, данная классификация исследовательских программ достаточно условна и характеризует любую программу как идеализированную методологическую конструкцию, или, используя терминологию М. Вебера, является идеально-типической.

Обычно в реальном социогуманитарном исследовании «чистота» исследовательской программы недостижима: натуралистический редукционизм часто сопрягается с психологизмом, социопсихологизм трансформируется в культур-центризм, а последний может дополняться элементами этноцентризма. Такая ситуация свидетельствует как об объективной сложности рассматриваемой социальной реальности, так и о существующей тенденции к созданию единой исследовательской программы, которая вобрала бы в себя позитивные особенности иных программ и гармонично сочетала бы разноплановый методологический инструментарий. Пока говорить о создании такой программы не приходится, хотя наиболее естественным образом элементы различных программ синтезируются в концепции социального действия М. Вебера, что в немалой степени способствовало веберовскому ренессансу на Западе. Но в любом случае речь идет не о новой попытке возрождения теоретико-методологического монизма, а о стремлении достичь единства в многообразных подходах к изучению социального бытия.

¹ См.: Parsons T. The social system. New York, 1951; Парсонс Т. // Инф. бюлл. ИСИ. Серия: переводы и рефераты. Вып. 2. М., 1969. № 23 (38). С. 79.

² Франк С. Л. // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 317; Дильтей В. Описательная психология. М., 1924. С. 8; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 47.

³ Maslow A. Motivation and Personality. New York, 1954. P. 340.

⁴ См.: История социологии. Мн., 1993. С. 67.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ См.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 368.

⁷ Freud S., Bullitt W. // A Psychological Study. London, 1967. P. 63—64.

⁸ См.: Skinner B. Beyond Freedom and Dignity. New York, 1972; Нэем Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984; Вандуга А. // American Psychology. 1978. V. 33. № 4.

⁹ Mead G. N. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

¹⁰ Nie N., Verba S. Political Participation // Greenstein F. and Polsby N. Handbook of political science. Boston (Mass.). 1975. V. 4.